

Гаяне Шагоян

Институт археологии и этнографии НАН РА

«НАЦИОНАЛЬНОЕ ПО СОДЕРЖАНИЮ
И СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ПО ФОРМЕ»:
ПАЛИМПСЕСТ МЕМОРИАЛОВ СОВЕТСКОЙ АРМЕНИИ

Аннотация: В статье рассматривается мемориальная культура советской Армении, где один из основных идеологических принципов «национальное по форме и социалистическое по содержанию» здесь действовал с точностью до наоборот: «национальное по содержанию и социалистическое по форме». Такая подмена происходила особенно в тех мемориалах, которые отсылали к существенным для армянской идентичности историческим сюжетам (геноцид армян в Османской империи, отчасти Великая отечественная война). Возможность вписать советский мемориальный язык в национальный контекст является результатом семантической связи народных поминальных традиций с соответствующими религиозными практиками, а также ассоциативной связи архитектуры, считающейся «национальной», с церковной. С другой стороны, мемориальный язык армянского советского модернизма позволил найти с точки зрения идеологии такую нейтральную форму, которую можно было заполнить замалчиваемой советскими властями темой геноцида.

Ключевые слова: Советский мемориал, травматическая память, коммеморация геноцида

Gayane Shagoyan

"NATIONAL IN CONTENT AND SOCIALIST IN FORM":
PALIMPSEST OF SOVIET ARMENIA MEMORIALS

Abstract: The article deals with the memorial culture of Soviet Armenia, where one of the main ideological principles “national in form and socialist in content” was acting exactly in the opposite way: “national in content and socialist in form”. Such a substitution took place especially in those memorials that referred to historical subjects important for the Armenian identity (Armenian genocide in the Ottoman Empire and partly the Great Patriotic War). The chance to inscribe the Soviet memorial language into the national context was the result of the semantic connection of folk obitual traditions with the corresponding religious practices, as well as the associative connection of the “national” architecture with the

church one. On the other hand, the memorial language of Armenian Soviet modernism made it possible to find such a neutral form from the point of view of ideology, which could be filled with the theme of genocide hushed up by the Soviet authorities.

Key words: Soviet memorial, traumatic memory, commemoration of the genocide

Советская мемориальная культура – часть процесса формирования не только советской, но и национальных идентичностей и один из важнейших признаков формирования национальных государств, где религиозные комплексы и ритуальные практики преобладают сменяются мемориалами и коммеморативными практиками национальных государств. Здесь уместно вспомнить пример о массовом производстве традиций, приведенный Э. Хобсбаумом, показавшим, как в стремящейся к объединению Германии к 1902 г. было построено 327 памятников Вильгельму I, которого пытались представить как отца-основателя страны, а в 1898-м, когда умер Бисмарк, в 470 городах было решено воздвигнуть «колонны Бисмарка»¹. Если обозначение различных границ, в том числе между селениями или государствами, а также частными территориями, при помощи колонн и стел – достаточно древняя практика (ср. делимитационные стелы царя Арташеса I (190–160 гг. до н. э.), частично сохранившиеся на юге Армении, в Сюнике)², то идеологическая маркировка территории всего государства как некоего целого через установку мемориалов, согласно Э. Хобсбауму, практика эпохи модерна.

Памятники становятся маркерами тех сообщений и устанавливаются обычно на тех символически значимых площадях, которые имеют нациеобразующую роль. Иначе, через памятный ландшафт: ментальный или физический, становится возможным выстраивание групповой идентичности. Именно такую функцию выполняют также и коммеморативные практики, будь то государственные или неформальные³.

С учетом высокой значимости памятников для анализа проблем формирования идентичности имеет смысл рассматривать советские мемориальные практики как инструменты публичной трансляции «армянского мета-нарратива», лежащего в основе национальной идентичности.

Параллельно с экономической модернизацией в СССР разрабатывалась и политика социальной модернизации, важной составляющей которой стало формирование нового человека по сталинской формуле: «национального по форме и социалистического по содержанию». Направленная политика формирования

1 Hobsbawm 2000, 263–309.

2 Тревер 1953, 164–165.

3 Drozdowski et al 2016, 4–13; McDowell, Braniff 2014; Шагоян 2021, 73–98.

наций для наиболее крупных этнических групп («титulyных наций») в рамках советского государства⁴ как возможность перетянуть на свою сторону национальные элиты отдельных регионов бывшей Российской империи была реакцией советских властей на опыт распада бывших крупных империй (Австро-Венгерской, Османской, Российской), где центробежные национальные интересы были расценены как одна из решающих причин их распада. Однако при таком подходе сложность создания модернизированного советского гражданина состояла в том, что «национальные формы» часто совпадали с соответствующим религиозным содержанием, тогда как религия не только была отделена от государства, но и воспринималась как конкурирующая с коммунизмом идеология⁵. И в целом этот процесс переписывания то формы, то содержания, с переменным успехом в секуляризации религиозного или в сакрализации профанного создали такой симбиоз мемориального ландшафта, когда в результате чаще получался обратный эффект – *социалистическое по форме и «национальное» (религиозное) по содержанию*.

В рамках данной статьи на примере Армении я попытаюсь рассмотреть, как постепенно усваивалась советская мемориальная форма, как она наполнялась несветским содержанием и как локальные мемориальные практики, сформировавшиеся на этой основе, создали свой, во многом советский мемориальный язык формы. В Армении основной темой групповых коммемораций стала травма геноцида, переросшая в культурную травму⁶. Мемориальные практики вокруг этого события, сформировавшиеся в основном в советский период, стали моделью для коллективных травм, особенно тех, где отсутствует более или менее направленная политика памяти или она формируется «естественным» образом из арсенала имеющегося мемориального опыта. Здесь уместно вспомнить про концепцию многонаправленной памяти Майкла Ротберга, который на примере воздействия холокоста на другие исторические травмы (например, рабство, колонизация) говорит о взаимодействии и возможностях использования удачно разработанных практик одной памяти для озвучивания и привлечения внимания к другим, звучащим слабее в публичном пространстве⁷. В качестве одного из сюжетов коллективной травмы, оказавшейся в области политики забвения с применением техники «умолчания» и/или «игнорирования»⁸, можно рассматривать память о репрессированных в постсоветской Армении. В отличие от распространенного

4 Суни 2011, 31–87; Мартин 2011, 88–116; Эткинд и др. 2012, 29–30.

5 О некоторых общих мировоззренческих истоках между коммунистической и христианской идеологиями см. Слезкин 2019. О соотношении и взаимовлиянии религиозной и национальной идеологий см. Brubaker 2012, 2–20.

6 Александер 2012, 6–40; Eyerman 2004, 60–78; Ассман 2019, 112–123.

7 Rothberg 2009.

8 Ассман 2019, 21; ср. Connerton 2009; Connerton 2008, 59–71.

мнения, что память о них в Армении подавлена памятью о геноциде, в одной из своих работ я попыталась показать, что поскольку здесь мы имеем дело с двумя разными категориями травмы – культурной и коллективной, культурная травма не столько подавляет коллективную, сколько снабжает успешно отработанным мемориальным инструментарием⁹. Его обычно подхватывают с низов, и такая память часто выражается в форме гражданских инициатив сопротивления политике забвения¹⁰.

Гражданские (не религиозные) памятники появляются в советское время. До этого армянские мемориалы имели в основном форму хачкаров или декорированных источников воды, во многом напоминающих либо хачкар, либо конструкцию алтаря, *бухари* (стенная печь в *гомиода*). Правда, первая попытка поставить памятник гражданскому лицу – Хачатуру Абовяну была инициирована еще в досоветское время в 1908 г. по поводу его 60-летия. Проект взялся осуществить Армянский культурный центр Баку, для чего надо было собрать 12 000 рублей, что удалось сделать лишь в течение нескольких лет¹¹. Победителем конкурса на создание памятника стал французский армянин А. Тер-Марукян (рис. 1), которому за сделанную работу окончательно смогли заплатить лишь в 1925 г., уже после советизации Армении. Скульптор скончался раньше, чем памятник перевезли, и то по ошибке его выгрузили в Тбилиси и смогли окончательно перевезти и установить в Ереване (около кинотеатра «Москва») в 1933 г. И так, хоть он и был заказан раньше других гражданских памятников, но одиссея его установки заняла больше времени, чем заказ и установка памятников при советской власти: в 1931 г. уже стояли памятник С. Шаумяну в Ереване работы С. Меркурова (рис. 2) и рельефный монумент А. Саргсяна (рис. 3) в Ленинакане, посвященный Майскому восстанию.

Наглядным примером мемориальной маркировки ландшафта как проявления национальной идентичности или обозначения территории, на которую распространяется власть, могут послужить, конечно, многочисленные памятники



Рис. 1. Скульптор Андреас Тер-Манукян в своей мастерской со скульптурой Хачатура Абовяна, Франция.

9 См. Shagoyan 2022.

10 См. Արմենակյան, Շաղոյան 2015, 239–285:

11 Խանջյան 2004:



Рис. 2. Памятник Степану Шаумяну, установленный в 1931 г., скульптор С. Меркуров, архитектор И. В. Жолтовский, снимок взят с:

https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/4/46/Stepan_Shahumyan_Monument%2C_Yerevan_27.JPG



Рис. 3. а.б «Героям майского восстания 1920 г.», скульптор Ара Саргсян, 1931 г., Лениканан, фото Г. Шагоян, Гюмри, 2017.

Ленину, а в какие-то годы и Сталину. Эти маркеры идеологических центров после крушения СССР оставили за собой такой принцип организации пространства, что казалось необходимым заменить эти идола на другие, а не просто отменить их¹².

После развенчания культа Сталина и сношения его памятников можно рассматривать как одну из попыток пересборки памяти или политики забвения в действии. В Армении на месте огромной 17-метровой скульптуры Сталина (работа С. Меркурова), установленной в 1950 г., которую демонтировали в одну

12 См. Хатерли 2012.

ночь в 1962 г., в 1967 г. появилась скульптура Мать-Армения (высота 22 м, скульптор Ара Арутюнян), проспект Сталина был переименован в проспект Ленина. «Позже между вершиной холма [где стоял памятник Матери-Армении] и Матенадараном [Музей древних рукописей] появился профиль Ленина, обозначенный электрическими лампочками, так что город «контролировался» днем Матерью Арменией (номинально), а ночью – Лениным (тайно, но явно). В 1990 г., после бурной переоценки ленинских идей, его профиль исчез из городского ландшафта, а проспект был снова переименован¹³, на этот раз в честь Месропа Маштоца (создателя армянского алфавита), чье имя носит Матенадаран и чей памятник (с фигурой его ученика Корюна) установлен на склоне холма, и над проспектом...»¹⁴. Таким образом, Мать-Армения, выполненная на языке монументального сталинского ампира (общая высота 51 м), сохранив прежний постамент скульптуры и заместив ее более высокой скульптурой, символизирующей Армению, фактически переняла идею формы (огромная монументальная скульптура), но наполнила ее национальным содержанием. Хотя огромные женские скульптуры стали возникать под воздействием волгоградского памятника Родина-мать зовет и, как правило, были посвящены Великой Отечественной войне, но в республиках вместо зовущей на войну Родины-матери возникли «национальные матери»: Мать-Грузия, Мать-Армения. И хотя они тоже были посвящены победе в Великой Отечественной войне, но на войну не звали, меч был либо опущен, либо заменен чем-то другим, более миротворческим (например, в Ленинакане – колосом пшеницы).

В постаменте памятника Сталину, на месте которого теперь стоит Мать-Армения, в 1970 г. разместился музей Великой Отечественной войны. Изнутри постамент был организован в стилистике армянской храмовой архитектуры. Музей же, перешедший под ведомство министерства обороны, пополнился новыми экспозициями: помимо карабахской войны здесь также представлены армянские генералы Российской империи, фидаинское движение в Западной Армении, оборона Первой армянской республики 1918–1920 гг. То есть в концептуальном плане особых изменений не произошло – советский милитаристский язык Великой Отечественной войны был расширен на период до и после советской эпохи.

Когда речь идет о погибших, язык описания становится религиозным, поскольку практики, связанные с мариологией, хорошо усвоены и легко переходят из религиозного дискурса в национальный. И там, где памятник обрастает каким-либо религиозным ритуалом, он трансформируется из мемориала

13 Проспект одним концом упирается в музей древних рукописей, у входа к которому был установлен памятник Маштоцу с учеником Корюном, что в целом и послужило причиной переименования этой улицы в 1990 г. в проспект Маштоца. В постсоветское время одним из общих правил переименований стало переименование главных улиц, которые в советское время, естественно, носили имя Ленина, на Маштоца.

14 Abrahamian 2012, 256–257.

В



Рис. 4. Декорированный фонтан питьевой воды в Горисе (1943-45), посвященный жертвам ВОВ, автор Рафаэл Израелян.

«локус» в значении, в котором П. Коннертон проводит это разделение – когда из напоминания (об ушедшем событии или человеке) памятник становится местом переживаемого настоящего (например, чувство национальной солидарности/гордости/скорби, тактильного и эмоционального приобщения и т.п.)¹⁵.

В Армении мемориалы, посвященные Великой Отечественной войне, были не только государственными проектами, чаще это была инициатива местных общин. Первые памятники такого рода здесь появились еще во время войны (например, в Горисе памятник в форме семи декоративных источников воды был установлен в 1943–1945 гг., архитектор Рафаэл Израелян) (рис. 4а–4д). Государственные мемориальные проекты были почти в каждом большом городе, как и ставшие часто типовыми мемориалы Неизвестному солдату.

Несмотря на разнообразие локальных памятников, в государственных проектах мемориалов, посвященных Отечественной войне, был один обязательный элемент, прочно вошедший в мемориальную культуру всех советских республик, – наличие у этих мемориалов вечного огня. Хотя первые попытки советской власти

¹⁵ Connerton 2009, 7–39.

выработать монументальный язык приходится на 1930-е гг., более востребованным он стал именно после Великой Отечественной войны, особенно идея вечного огня, которая восходит к Марсовым полям, в свою очередь восходящим к досоветской практике военных занятий, а затем и парадов (Марсовы поля были в Риме, Париже). Но на российском *Марсовом поле*, которое возникло после 1918 г. в Санкт-Петербурге, огонь появился только в 1957 г. В 1965 г. от огня на Марсовом поле в Ленинграде был зажжен факел вечного огня в Великом Новгороде, а 8 мая 1967 г. вечный огонь был торжественно перенесен на бронетранспортере из Ленинграда к могиле Неизвестного солдата в Москве и от него зажжен там генеральным секретарем ЦК КПСС и участником войны Л. И. Брежневым, принявшим огонь из рук героя СССР А. П. Маресьева. По мнению А. Юдкиной, идея эстафеты вечного огня появилась под влиянием эстафеты олимпийского огня, которая к 1966 г. стала постоянным элементом торжественных открытий летних и зимних Олимпийских игр¹⁶.

В 1963 г. от ленинградского вечного огня зажгли вечный огонь в Ленинакане (ныне Гюмри)¹⁷, втором по величине городе Армении, который во многих вопросах равнялся на Ленинград¹⁸. А когда в том же городе в 1975 г. был воздвигнут памятник Мать-Армения (скульпторы Ара Саргсян и Ерем Варданян, архитектор Рафаэл Егоян, рис. 5), вечный огонь перенесли к этому памятнику, который, с одной стороны, повторял тип Волгоградского мемориала, а с другой, – памятник Мать-Армения в Ереване, с похожими подходами к «сталинскому постаменту». Архитектором ленинаканского постаменты был Р. Егоян, ученик Рафаэла Израеляна – создателя постаменты для сталинского мемориала в Ереване и учредителя направления «национального модернизма» в архитектуре Армении после 1960-х¹⁹. Рафаэл Израелян активно использовал средневековые церковные формы, конструкции и орнамент в архитектуре различных музеев и мемориалов, в том числе для постаменты статуи Сталина, внутри которого, как отмечалось, пространство напоминало скорее армянский храм с характерными сводами и арками. Продолжая традиции своего учителя, Рафаэл Егоян использовал некоторые конструктивные и декоративные элементы средневековой храмовой архитектуры Армении при проектировании, например, железнодорожной станции в Ленинакане (1980) (рис. 6а-с), а также в постаменты памятника Мать-Армения в Ленинакане, посвященного погибшим в Великой Отечественной войне. Организация пространства внутри этого постаменты напоминала основные принципы организации пространства в маленьких вернакулярных армянских часовнях,

16 Юдкина 2020, 133–135.

17 Азатян 1989, 127.

18 Шагоян 2007; Шагоян 2012, 17–47.

19 Harutyunyan 2008, 27–31. В своей статье Тигран Арутюнян определяет архитектуру Р. Израеляна как «модернисткое по форме и национальное по содержанию» – см. там же, с. 28.



Рис. 5. а, б, Мемориал Мать Армения, скульпторы Ара Саргсян, Ерем Варданян, архитектор – Рафаэл Егоян, Ленинакан, 1975. Фото Г. Шагоян

которые спонтанно возникали в местах паломничества²⁰ или строились в каком-нибудь частном дворе обычно после сновидения одного из домочадцев, которое интерпретировалось как послание свыше²¹. В этих «часовнях», как правило, хранилась какая-нибудь священная реликвия (самые различные предметы: крест-камень, книга, в основном с религиозным содержанием²², священные сосуды и т.п.), которой обычно приписывали чудодейственные свойства²³. Внутри постамента, в самом центре советского мемориала, архитектор разместил стол с натянутым на него красным бархатом (ср. практику оборачивания в несколько слоев красного бархата священных книг, служивших предметом поклонения, которые хранились либо на «столе-алтаре», либо в нишах часовен), на котором лежала книга с именами погибших на войне ленинканцев (около 3000 имен), выведенными рукой архитектора шрифтом *еркатагир*²⁴. В каждом из углов постамента были закреплены артиллерийские гильзы с землей с могил солдат из шести городов-героев Советского Союза, в боях за которые принимали участие армянские дивизии (ср. с мифами о хранении мощей святых в вернакулярных часовнях).

20 Ср. Abrahamian et al 2018, 70–96.

21 Մտեփանյան 2014, 249–257:

22 Наиболее распространенной в этом ряду наряду с Библией была «Книга скорбных песнопений», Григора Нарекаци, армянского поэта 10–11 вв.

23 См. Մարտիրոսյան 2001, 338–346; Antonyan 2021, 367–391.

24 Еркатагир (*երկաղաղի*) – изобретённый Месропом Маштоцем шрифт армянских букв, сходный с современными прописными.

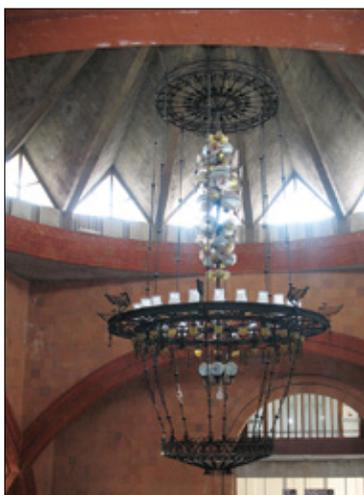


Рис. 6. а, в, с Железнодорожная станция в Ленинакане (Гюмри) (1980), архитектор Рафаэл Егоян, фото Г. Шагоян, Гюмри, 2017.

О вечной памяти погибших должен был напоминать не только огонь, но и звук биения сердца, слышимый в небольшом радиусе от вечного огня. Стук сердца каждые полчаса заглушался тихим музыкальным рефреном песни «Вставай, страна огромная».

Таким образом, центральные мемориалы, посвященные погибшим в Великой Отечественной войне, повторяли монументальные каноны, вошедшие в мемориальную советскую практику после победы во второй мировой войне (ср. варианты «Родина-Мать зовет!»). В мемориальный комплекс этих памятников стали включать и вечный огонь, который, как уже было сказано, возник вначале как элемент памятников, посвященных погибшим революционерам, а затем больше ассоциировался с погибшими в Великой Отечественной войне. Возникновение феномена вечного огня повлекло за собой формирование опреде-

ленных ритуалов – возложение у огня цветов или венков. И наконец, постамент памятника переносил его посетителей в пространство религиозного переживания, сочетая элементы народного христианства и поминальных религиозных практик. И если по формальной внешней конструкции эти мемориалы были светскими и вполне советскими, то внутри это был храм «сакрализованной памяти», религиозный контекст которой обеспечивался не только отсылкой к соответствующей архитектуре, но и к определенным народным религиозным практикам, обеспечивающим «национальное» прочтение мемориала.

Однако мемориал в Гюмри, постамент которого, как и в ереванском мемориале Мать-Армения, напоминает церковное пространство, интересен не только своим двойным (советским и одновременно религиозным) прочтением. Автор ленинканского мемориала, Ара Саргсян, был мигрантом из Турции (из села Макри, недалеко от Константинополя) и состоял в группе «Немезис» – тайной армянской организации, которая выявляла и уничтожала в качестве акта возмездия турецких чиновников, ответственных за геноцид армян, а также лиц, ответственных за организацию резни в Баку в 1918 г. Ленинканский памятник Мать-Армения изначально задумывался для установки в Ереване на бывшем сталинском постаменте, но ему предпочли работу ученика Ара Саргсяна – Ара Арутюняна. Для Саргсяна же его памятник был не просто «Матерью-Арменией», а «Немезидой» – греческой богиней возмездия, в честь которой и была названа тайная организация, в которую Ара Саргсян вступил в 1920-х гг. будучи студентом в Европе²⁵. Поскольку Ленинкан расположен на границе с Турцией, находящийся на возвышенности огромный мемориал Мать-Армения хорошо просматривается с другой стороны границы – со стороны Турции. Легенда гласит, что Ара Саргсян специально поставил памятник так, чтобы с тыльной стороны (при взгляде из Турции) он походил на дракона, смотрящего в сторону врага. Таким образом, советский мемориал не только возвышается над постаментом, в котором «затаились» религиозная архитектура и народная религиозная обрядность, но и сама скульптура представляет собой «тайное послание» возмездия Турции, правопремницы Османской империи, отрицающей геноцид. Под советским ампиром скрыто замаскированное национальное послание автора, турецкого армянина, потерявшего во время геноцида своих родных, о членстве которого в организации «Немезис» узнали спустя многие годы после его смерти (в 1969 г.), уже в независимой Армении²⁶. Здесь мы видим, как авторы мемориального комплекса попытались сделать его не столько напоминанием, памятником в буквальном смысле,

25 См. Црш Ушрқишһ 2022:

26 Памятник в Ленинкане установили после смерти автора, работу завершил один из его учеников – Ерем Варданян, который перевел масштаб малой скульптуры в его нынешний монументальный размер – Шагоян 2020.

сколько локусом, неким пространством, где посетитель мог бы почувствовать присутствие погибших (элементы могилы – ср. земля с могил погибших воинов, биение сердца). Это место в советское время функционировало как пространство для коммемораций не только в рамках государственных праздников, но и семейных ритуалов (сюда приезжали для возложения цветов у вечного огня молодожены, что, впрочем, было частью унифицированной советской свадебной традиции²⁷) (рис. 7).

Если мемориал в Ленинакане символически заменил прах погибших, землей с их могил, то в большинстве сельских памятников, посвященных Великой Отечественной войне, это были кенотафы без какой-либо реликвии. Но в то же время они не были памятниками Неизвестному солдату, а посвящались конкретным людям – погибшим в войне односельчанам. Поэтому процесс их строительства шел спонтанно по всей Армении и не остановился и после приобретения независимости.

Один из таких памятников, был построен в 2013 г. в с. Шатин (рис. 8а). Инициаторами установки таких памятников, как правило, становятся потомки погибших, которые воспринимают мемориал как замещение могилы. Обычно на этих мемориалах указываются имена всех погибших из данного поселения. Все остальные символы и элементы оформления в них могут варьировать. Интересно, что некоторые памятники, особенно те, что были построены в постсоветское время, расположены рядом с каким-нибудь религиозным строением (церковью, часовней) (рис 8b). И как в случае с мемориалом Мать-Армения, можно видеть, что эти памятники, скорее, претендуют на роль локуса (в рамках восприятия пространства как разделения на сакральное/профанное, где место памяти попадает в сферу сакрального), а не просто отстраненного напоминания о конкретном событии. Мемориалы не только оказывались рядом с религиозными местами паломничества, но и становились целью таких паломничеств.

Интересно, что автор советского мемориала в Ленинакане, Рафаэл Егоян, до того как получил на него заказ, еще в 1960-х гг. по своей инициативе, почти тайно



Рис. 7. Свадебная фотография из семейного альбома Маринэ Манукян, Ленинакан, 1982.

27 Lane 1981, 74–82.



Рис. 8. **8a** Памятник погибшим в ВОВ в с. Шатин. Фото А. Марутяна, 2016; **8b** Памятник погибшим в ВОВ и место паломничества – часовня Ындгех в с. Шатин. Фото А. Марутяна, 2016.

сумел установить другой мемориал, посвященный геноциду. Когда ему как молодому архитектору дали направление на работу в Ленинакан, он по своим профессиональным обязанностям часто объезжал окрестности города, посещал соседние с городом села, общался со многими местными жителями. Во время этих поездок он собрал множество рассказов о массовом убийстве армян в ущелье, получившем название Джарди дзор (Ущелье резни), где в 1920-х действительно была массовая резня армянского населения устроенная наступающими турецкими войсками²⁸. У него часто возникала идея предложить администрации регионального центра – муниципальным властям города Ленинакана установить мемориал в память погибших в этой резне. Такая идея у архитектора зародилась фактически еще до того, как впервые в советской Армении был построен мемориал на ереванском холме Цицернакаберд в 1967 г. Последним толчком для принятия конкретных шагов стало случайное обнаружение во время земляных работ в этом ущелье останков женской руки (судя по сохранившемуся манжету рукава), сжимающей ключ от дома. Потрясенный этой картиной, архитектор с останками руки с ключом отправился к главе города, и они вместе решили установить памятник, но так, чтобы в Москве об этом не узнали. Друг архитектора, отвечавший за строительство дорог, в документах указал установку придорожной стоянки с водой, какие часто строили вдоль трасс. Проект утвердили, не зная о тайном назначении памятника. Однако об этом знало все население соседних сел, жители которых были непосредственными потомками и родственниками жертв этой резни. Местные таксисты, узнав об идее архитектора построить мемориал, собрали деньги на его постройку, от коих однако автор отказался, деньги были выделены городской администрацией, как уже было сказано, на строительство якобы источника у шоссе. Вечером, после официального открытия, во время которого не упоминали

28 Հախոյանի 2014:



Рис. 9. **а** Памятник в ущелье Резни, недалеко от села Джаджур, фото из семейного альбома Рафаэла Егояна, на снимке он с женой Анной. **б** Памятник в ущелье Резни, недалеко от села Джаджур.

об истинном предназначении памятника, к мемориалу съехалось население окружающих сел и состоялось неофициальное, но, можно сказать, *настоящее* открытие памятника. Его участники осветили мемориал фарами своих машин, и по-своему отметили открытие памятника, про истинное назначение которого нельзя было говорить публично. Как для архитектора, так и для жителей округи мемориал считывался как крест-камень – *хачкар*, хотя конкретно на этом камне и не было изображения креста (что было недопустимо для советского мемориала), но структурно он соответствовал остальным параметрам хачкаров (трехчастность, наличие верхнего карниза) и содержал прямые к нему реплики (розетки в виде знака вечности). Он воспринимался как таковой и самим архитектором (называвшим свою работу *хачкаром*)²⁹, и посетителями мемориала (см. рис. 9а, б).

При всей строгости формальных правил люди тем не менее находили способ транслировать свое «национальное содержание» в публичное пространство. Даже модернистская архитектура малых форм мимикрировала таким образом, чтобы для московских властей быть позволительно национальной, но не религиозной, тогда как для местных это был однозначно нераздельный симбиоз.

Прорывы локальной памяти и их неявная поддержка местными советскими властями происходили не только на уровне отдельных городов, сел, но также и на уровне республиканских властей, если их представители сами были носителями такой памяти.

29 Шагоян 2020.

Руководитель компартии Армении Я. Заробян в 1964–1965 гг. начал переговоры с Москвой относительно строительства памятника, посвященного жертвам геноцида, но в официальном письме расплывчато было написано о том, что это мемориал в память о погибших в первую мировую войну³⁰. Это было время советской оттепели, и такие прорывы были возможны. Этот проект был осуществлен. Мемориал практически выстроен вокруг вечного огня в самом центре его комплекса. Таким образом, хотя памятник и отражал самый сокровенный национальный нарратив, однако формально армянская трагедия была представлена на том же языке и теми же визуальными формами³¹, что и мемориалы второй мировой войны – через «вечный огонь». На официальном уровне 24 апреля не отмечалось как день памяти о геноциде армян вплоть до приобретения Арменией независимости. На просьбу первого секретаря компартии Армении Карена Демирчяна в 1985 г. сделать этот день официальным днем скорби – партийным руководством из Москвы был получен отказ³².

Одни исследователи расположение этого памятника вне города на некоторой возвышенности связывают с советскими традициями монументальной архитектуры 1960-х гг., когда мемориалы, посвященные памяти погибших в Великую Отечественную войну, располагались несколько изолированно на холмах, вне активного центра города³³, другие, наоборот, в этом видят локальную народную традицию размещения кладбищ на возвышенностях, вне границ поселения, поскольку эти памятники несли в себе функцию кладбища как общего кенотафа без вести пропавших во время войны³⁴. Такое расположение мемориалов по отношению к городскому пространству могло иметь и практический характер, учитывая впечатляющие масштабы памятников – они требовали большой территории, какую нецелесообразно было выделять в перегруженном центре городов. Такое их расположение могло иметь, конечно, и символическое значение, однако, возможно, оно продиктовано не столько стремлением придерживаться армянской (да и не только) традиции расположения кладбищ на возвышенности, сколько желанием подчеркнуть доминирование этого мемориала над остальным ландшафтом города, сделать его максимально обозримым. В отличие от других мемориалов вечный огонь мемориала, посвященного геноциду армян, занимает центральное положение не только топографически, но и семантически.

30 Я. Заробян в письме, адресованном в ЦК КПСС, обосновывал проведение мероприятий, посвященных 50-летию геноцида армян, среди прочего и тем, "чтобы в истории народов не повторялись подобные трагедии" – по Марутян 2008, 120.

31 Марутян 2008, 119–128; Дариева 2008, 128–146.

32 Дариева 2008, 135.

33 Дариева 2008, 134.

34 Марутян 2008.

Восприятие этого пространства как сакрального локуса памяти подтверждается и историей строительства мемориала, когда в качестве волонтеров в нем участвовали тысячи потомков жертв геноцида, собирались деньги на строительство и т.п. Фактически мемориал строился почти полуполюгально. Во время коммеморации 24 апреля можно было наблюдать, что люди, возлагающие цветы³⁵, ведут себя так, как если бы они находились в церкви – после возложения цветов они крестились, как после возжигания свеч. Так совершенно светский мемориальный ритуал, «советскость» которого должна была подчеркнуть и дата открытия памятника – 29 ноября, день советизации Армении, обернулся в мемориально-религиозный обряд, а организация пространства мемориала как тропы паломников к сакральному очагу во многом повторила народный поминальный ритуал³⁶.

Интересно, что язык оформления советского мемориала посвященного геноциду армян был полностью сложившимся и воспринимался как единственно возможный. Он не только использовался для не имеющего ничего общего с советской идеологией мемориала, если не сказать даже антисоветского памятника, но и до сих пор не считается как советский мемориальный язык. Отсутствие национальной символики позволило одновременно избежать реверанса в сторону советской символики (ее отсутствия) и сделало памятник достаточно универсальным для его воспроизводства в разных странах, иногда даже в качестве оформления персональной могилы, тогда как тема геноцида была краеугольной для армянского диссидентского движения 1960-х. Массовые протесты 1965–1966 гг. озвучивали требование признания геноцида армян, возвращения земель, пространства для публичной скорби, как акта не просто напоминания о погибших, но как материализованного свидетельства, фиксирующего факт самого геноцида, отрицаемого Турцией. Более того, прорыв темы геноцида на публичную площадку в виде этого мемориала становится важной вехой для перехода исторического сюжета о геноциде из статуса коллективной травмы, о которой помнят в основном только пережившие трагедию и их ближайший круг, в травму культурную, которую сопереживает все сообщество. Независимо от коммуникативной памяти этот сюжет становится важной составляющей национальной идентичности³⁷ и работает как метанарратив³⁸.

35 С 2010 г. коммеморация жертв геноцида получила своеобразное продолжение, когда силами волонтеров возложенные к Вечному огню цветы перебираются, лепестки цветков отделяются от стеблей для дальнейшей переработки в бумагу, а стебли используются как удобрение для парка вокруг мемориала. Уход и уборка мемориала также ритуализируются, мемориал как бы исключает возможность мусора, здесь все сакрально, а значит, не может быть места скверне (ср. Дуглас 2000).

36 Ушрицэши 2009, 72–78:

37 Euerman 2004, 60–111; Шагоян 2021, 73–98.

38 Шагоян 2016.

Итак, наиболее известные мемориальные комплексы Армении (Мать-Армения в Ереване, Мать-Армения в Гюмри, а также Мемориал жертвам геноцида на холме Цицернакаберд в Ереване и менее известный Мемориал памяти жертв геноцида в «Ущелье резни» недалеко от с. Джаджур), построенные в рамках традиций советского мемориального языка, т.е. по форме соответствующие советским канонам, на деле же либо закодированно, либо достаточно эксплицитно отсылали к национальному тексту (национальным религиозным традициям) и способствовали формированию национального нарратива о геноциде армян (сюжета, ставшего важной вехой формирования национальной идентичности).

Литература

АЗАТЯН 1989

Азатян В., Ленинанкан. Ереван, Издательство ЦК КП Армении, 1989.

АЛЕКСАНДЕР 2012

Александр Дж., Культурная травма и коллективная идентичность // Социологический журнал, N 3, 2012, 6–40

АССМАН 2019

Ассман А., Забвение истории – одержимость историей, Москва, Новое литературное обозрение, 2019.

ДАРИЕВА 2008

Дариева Ц., От молчания к гласности. Реконфигурация памяти об армянской утрате в постсоциалистической Армении // Этнографическое обозрение, 2008, N 3, 128–146.

ДУГЛАС 2000

Дуглас М., Чистота и опасность: анализ представлений об осквернении и табу. М.: «КАНОН-пресс-Ц: Кучково поле», 2000.

МАРТИН 2011

Мартин Т., Империя положительной деятельности: Советский Союз как высшая форма империализма // Государство наций: империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина, под ред. Р. Г. Суни, Т. Мартина, М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011, 88–116.

МАРУТЯН 2008

Марутян А., Памятник жертвам геноцида в контексте ритуалов памяти армянского народа // Этнографическое обозрение, N 3, 2008, 119–128.

СЛЕЗКИН 2019

Слезкин Ю., Дом правительства. Сага о русской революции, М.: «Corpus», 2019.

СУНИ 2011

Суни Р. Г., Империя как таковая: имперская Россия, «национальная» идентичность и теории империи // Государство наций: империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина, под ред. Р. Г. Суни, Т. Мартина, М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011, 31–87.

ТРЕВЕР 1953

Тревер К. В., Очерки по истории культуры древней Армении (II в. до н. э. – IV в. н. э.), Москва-Ленинград, Изд. Академии наук СССР, 1953, 164–165.

ХАТЕРЛИ 2012

Хатерли О., На площади. В поисках общественных пространств постсоветского города, Москва, Институт медиа, архитектуры и дизайна «Стрелка», 2012.

ШАГОЯН 2007

Шагоян Г. А., «Ленинкан ушел, Гюмри остался» (образы города до и после землетрясения) // Levon Abrahamian, Festschrift 60, 2007. http://levonabrahamian.com/cntnt/publicatio/articles_b/stati.html

ШАГОЯН 2012

Шагоян Г. А., «Первый» и «второй» в образах Гюмри: опыт семиотического анализа городского текста // Критика и семиотика. Вып. 16, 2012. <http://old.nsu.ru/education/virtual/cs016shagoyan.pdf>

ШАГОЯН 2016

Шагоян Г. А., Армянский геноцид как мета-нарратив травматической памяти // «Гефтер» – интернет-журнал – Михаил Гефтер, 25.04.2016, <http://gefter.ru/archive/18335>

ШАГОЯН 2020

Шагоян Г. А., Полевые материалы, Интервью с Рафаэлом Егояном, Джрвеж, 2020.

ШАГОЯН 2021

Шагоян Г. А., Культурная vs коллективная травма: мемориализация советских репрессий в постсоветской Армении по модели памяти о геноциде // «Сибирские исторические исследования», N 2, 2021, 73–98. <http://journals.tsu.ru/siberia/&journal_page=archive&id=2116&article_id=47650>

ЭТКИНД 2012

Эткинд А., Уффельманн Д., Кукулин И., Внутренняя колонизация России: между практикой и воображением // Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России: Сб. статей, ред. А. Эткинд, Д. Уффельманн, И. Кукулин, М.: «Новое литературное обозрение», 2012, 2–20.

ЮДКИНА 2020

Юдкина А., «Памятник без памяти»: первый Вечный огонь в СССР // Памятник и праздник: этнография Дня Победы, под ред. М. Габовича, Санкт-Петербург: «Нестор-История», 2020, 124–151.

ABRAHAMIAN 2012

Abrahamian L., Yerevan: Memory and Forgetting in the Organization of Post-Soviet Urban Space // Russian Cultural Anthropology after the Collapse of Communism, eds. Albert Baiburin, Catriona Kelly, and Nikolai Vakhtin., London and New York, Routledge, 254–275.

ABRAHAMIAN et al 2018

Abrahamian L., Hambardzumyan Z., Shagoyan G. and Stepanyan G. The Chain of Seven Pilgrimages in Kotsik, Armenia: Between Folk and Official Christianity // “Sacred

Places, Emerging Spaces. Religious Pluralism in the Post-Soviet Caucasus”, eds. by Tsypylma Darieva, Florian Mühlfried and Kevin Tuite. New York, Oxford: Berghahn Books, 2018 (Chapter 3), 70–96.

ANTONYAN 2021

Antonyan Yu., Worship of Shrines in Armenia: Between Soviet and Pos-Soviet Madenities // “Journal of Religion in Europe” N 14, 2021, 367–391.

BRUBAKER 2012

Brubaker R., Religion and nationalism: four approaches // “Nations and Nationalism” 18 (1), 2012, 2–20.

CONNERTON 2008

Connerton P., Seven types of forgetting // Memory Studies, № 1, 2008, 59–71.

CONNERTON 2009

Connerton P., How Modernity Forgets. Cambridge University Press, 2009.

DROZDZEWSKI et al 2016

Drozdzewski D., De Nardi S., Waterton E. The significance of memory // Memory, Place and Identity: Commemoration and remembrance of war and conflict, Danielle Drozdzewski, Sarah De Nardi and Emma Waterton (eds.), Routledge 2016, 1–16.

EYERMAN 2004

Eyerman R., Cultural Trauma. Slavery and the Formation of African American Identity // Cultural Trauma and Collective Identity, University of California Press, 2004, 60–111.

HARUTYUNYAN 2008

Harutyunyan T., Rafayel Israelyan as a Modernist Architect // “ArmArch” – Language of Armenian Architecture, 208, July (N1), 27–31.

HOBSBAWM 2000

Hobsbawm E. Mass-Producing Traditions: Europe, 1870–1914, Hobsbawm E., Ranger T. (eds.) // The Invention of Tradition, Cambridge, Cambridge University Press, 2000, 263–309.

LANE 1981

Lane Ch., The Rites of Rulers. Ritual in industrial society – the Soviet case, Cambridge University Press, 1981.

MCDOWELL, BRANIFF 2014

McDowell S., Braniff M., Commemoration as Conflict: Space, Memory and Identity in Peace Processes, Palgrave Macmillan, 2014.

ROTHBERG 2009

Rothberg M., Multidirectional Memory: Remembering the Holocaust in the Age of Decolonization, Stanford, California, Stanford University Press, 2009.

SHAGOYAN 2022

Shagoyan G., “Victims” and “Executioners” of the Stalin Era Repressions in the Multidirectional Memory of Post-Soviet Armenia // Presentation at the UCLA, the program “Promise Armenia”, 10. 11. 2022. <[https:// www.youtube.com/watch?v=8sv1N-M4Kyms&t=447s](https://www.youtube.com/watch?v=8sv1N-M4Kyms&t=447s)>

ԱԲՐԱՀԱՄՅԱՆ, ՇԱԳՈՅԱՆ 2015

Աբրահամյան Լ., Շագոյան Գ. Պատմագիտության և հիշողության միջև. Խորհրդային Հայաստանի բռնադատվածների հուշարձանացումը // Խառատյան Հ., Շագոյան Գ., Մարտյան Հ., Աբրահամյան Լ. Ստալինյան բռնանշումները Հայաստանում. պատմություն, առօրյա, հիշողություն, Երևան, ՀՀ ԳԱԱ «Գիտություն», 2015, 239–285:

ԱՐԱ ՍԱՐԳՍՅԱՆ 2022

Արա Սարգսյան // In Wikipedia, 2022 <https://hy.wikipedia.org/wiki/%D4%B1%D6%80%D5%A1_%D5%8D%D5%A1%D6%80%D5%A3%D5%BD%D5%B5%D5%A1%D5%B6>

ԽԱՆՉՅԱՆ 2004

Խանջյան Ա., Խաչատուր Աբովյանի հուշարձանը // Երևանի արձանները, Երևան, 2004: <https://web.archive.org/web/20160314083921/http://hushardzan.am/4925/>

ՀԱԽՈՅԱՆ 2014

Հախոյան Վ., 1920 թ. Կոտորածները Կարսի մարզում և Ալեքսանդրապոլի գավառում, Երևան, «Արմինֆո», 2014:

ՄԱՐՈՒԹՅԱՆ 2009

Մարտյան Հ., Հայինքության պատկերացրությունը, հատոր 1. Ցեղասպանության հիշողությունը և Ղարաբաղյան շարժումը, Երևան, ՀՀ ԳԱԱ «Գիտություն», 2009:

ՄԱՐՈՒԹՅԱՆ 2021

Մարտյան Հ., Տան «սուրբ» երևույթը. ակունքների հարցը և մերօրյա դրսևորումները // Հայոց սրբերը և սրբավայրերը, իմբ. Ս. Հարությունյան, Ա. Քալանթարյան, Երևան, «Գիտություն», 2001, 338–346:

ՍՏԵՓԱՆՅԱՆ 2014

Ստեփանյան Գ., Իրականի և անիրականի սահմանները. Տան սրբերի հայտնվելու ձևերը // Ավանդականը և արդիականը հայոց մշակույթում, Երևան, «Գիտություն», 2014:

References

- Abrahamian L. Yerevan: Memory and Forgetting in the Organization of Post-Soviet Urban Space // *Russian Cultural Anthropology after the Collapse of Communism*, eds. Albert Baiburin, Catriona Kelly, and Nikolai Vakhtin, London and New York, Routledge, 254–275.
- Abrahamian L., Hambardzumyan Z., Shagoyan G. and Stepanyan G., *The Chain of Seven Pilgrimages in Kotaik, Armenia: Between Folk and Official Christianity* // “Sacred Places, Emerging Spaces. Religious Pluralism in the Post-Soviet Caucasus”, eds. by Tsypylma Darieva, Florian Mühlfried and Kevin Tuite. New York, Oxford: Berghahn Books, 2018 (Chapter 3), 70–96.
- Abrahamian L., Shagoyan G., Patmagrut'yan yev hishoghut'yan mijev. *Khorhrdayin Hayastani brnadatvatsneri hushardzanats'umy* [Between historiography and memory. The memorialization of the repressed people of Soviet Armenia] // Kharatyan H., Shagoyan G., Marutyan H., Abrahamian L., *Stalin-era repressions in Armenia: history, daily life, memory*, Yerevan, NAS RA "Gitutyun", 2015, 239–285. (In Armenian)

- Aleksander Dzh., Kulturnaya travma i kollektivnaya identichnost [Cultural Trauma and Collective Identity] // "Sociological Journal", N 3, 2012, 6–40. (In Russian)
- Azatyuan V., Leninakan [Leninakan] Yerevan, publ. Central Committee of the Communist Party of Armenia, 1989. (In Russian)
- Antonyan Yu., Worship of Shrines in Armenia: Between Soviet and Pos-Soviet Madenities // "Journal of Religion in Europe" 14, 2021, 367–391.
- Ara Sargsyan [Ara Sarsyan] // In arm. Wikipedia, 2022 https://hy.wikipedia.org/wiki/%D4%B1%D6%80%D5%A1_%D5%8D%D5%A1%D6%80%D5%A3%D5%BD%D5%B5%D5%A1%D5%B6
- Assman A., Zabvenie istorii – oderzhimost istoriej [Forgetting history – obsession with history (Geschichtsvergessenheit – Geschichtsversessenheit)]. M.: "Novoe Literaturnoe Obozrenie", 2019. (In Russian)
- Brubaker R., Religion and nationalism: four approaches // "Nations and Nationalism" 18 (1), 2012, 2–20.
- Connerton P., Seven types of forgetting // "Memory Studies", N 1, 2008, 59–71.
- Connerton P., How Modernity Forgets. Cambridge University Press, 2009.
- Darjeva C., Ot molchaniya k glasnosti. Rekonfiguraciya pamyati ob armyanskoj utrate v postsocialisticheskoj Armenii [From silence to glasnost': Reconfiguration of the memory of Armenian loss in post-socialist Armenia] // "Etnograficheskoe obozrenie", N 3, M.: 2008, 128–146. (In Russian)
- Drozdzewski D., De Nardi S., Waterton E. The significance of memory // Memory, Place and Identity: Commemoration and remembrance of war and conflict, Danielle Drozdzewski, Sarah De Nardi and Emma Waterton (eds.), Routledge, 2016, 1–16.
- Douglas M., Chistota i opasnost: analiz predstavlenij ob oskvernenii i tabu [Purity and danger: an analysis of concepts of pollution and taboo]. M.: "KANON-press-C: Kuchkovo pole", 2000. (In Russian)
- Etkind A., Uffelmann D., Kukulin I., Vnutrennyaya kolonizaciya Rossii: mezhdru praktikoj i voobrazheniem // Tam, vnutri. Praktiki vnutrennej kolonizacii v kulturnoj istorii Rossii [The Inner Colonization of Russia: Between practice and imagination // There, inside. Practices of internal Colonization in the Cultural History of Russia]: col. of article, eds. A. Etkind, D. Uffelmann, I. Kukulin, M.: "Novoe Literaturnoe Obozrenie", 2012, 2–20. (In Russian)
- Eyerman R., Cultural Trauma. Slavery and the Formation of African American Identity // Cultural Trauma and Collective Identity, University of California Press, 2004, 60–111.
- Harutyunyan T., Rafael Israelyan as a Modernist Architect // "ArmArch": Language of Armenian Architecture, July (N1), 2018, 27–31.
- Hakhoyan V., 1920 tvi. Kotoratsnery Karsi marzum yev Alek'sandrapoli gavarrum, [The Massacres 1920 in Kars region and Alexandropol province]. Vanadzor, "Arminfo", 2014. (In Armenian)
- Haterli O., Na ploshadi. V poiskah obshestvennyh prostranstv postsovetского goroda [On the square. In search of public spaces of a post-Soviet city]. Moscow, Institute media, architecture and design "Strelka", 2012. (In Russian)
- Hobsbawm E., Mass-Producing Traditions: Europe, 1870–1914, Hobsbawm E., Ranger

- T. (eds.) // *The Invention of Tradition*, Cambridge, Cambridge University Press, 2000, 263–309.
- Khanjian A., Khachatur Abovyan hushardzany // *Yerevani ardzannery*, [The monument to Khachatur Abovyan // Statues of Yerevan]. Yerevan, 2004. (In Armenian)
<<https://web.archive.org/web/20160314083921/http://hushardzan.am/4925/>>
- Lane Ch., *The Rites of Rulers. Ritual in industrial society – the Soviet case*, Cambridge University Press, 1981.
- Martin T., *Imperiya polozhitelnoy deyatelnosti: Sovetskij Soyuz kak vysshaya forma imperializma // Gosudarstvo nacy: imperiya i nacionalnoe stroitelstvo v epohu Lenina i Stalina* [The affirmative action empire: The Soviet Union as the highest form of Imperialism // A state of nation. Empire and Nation-Making in the Age of Lenin and Stalin]. Eds. R.G. Suni, T. Martin, M.: Political Encyclopedia Publishers (ROSSPEN), 2011, 88–116. (In Russian)
- Marutyan A., *Pamyatnik zhertvam genocida v kontekste ritualov pamyati armyanskogo naroda* [Memorial to the Genocide Victims in Armenian Memory Ritual System] // "Etnograficheskoe obozrenie", N 3, M.: 2008, 119–128. (In Russian)
- Marut'yan H., *Hay inknutyan patkerats'rut'yuny, hator 1. Tceghaspanutyan hishoghut'yuny yev Gharabaghyan sharzhumy* [Conception of Armenian identity, volume 1. The memory of the Genocide and the Karabakh movement]. Yerevan, "Gitutyun" NAS RA, 2009. (In Armenian)
- Marutyan H., *Tan "surb" yerevuyt'y. akunkneri harts'y yev merorya drsevorumnery // Hayots' srbery yev srbavayrery* [The "Saint" of the Home: the Problem of Sources and Present-day Functioning // Armenian saints and sanctuaries]. eds. S. Harutyunyan, A. Kalantaryan, Yerevan, 2001, 338–346. (In Armenian)
- McDowell S., Braniff M. *Commemoration as Conflict: Space, Memory and Identity in Peace Processes*, Palgrave Macmillan, 2014.
- Rothberg M., *Multidirectional Memory: Remembering the Holocaust in the Age of Decolonization*, Stanford, California, Stanford University Press, 2009.
- Shagoyan G., "Victims" and "Executioners" of the Stalin Era Repressions in the Multidirectional Memory of Post-Soviet Armenia // Presentation at the UCLA, the program "Promise Armenia", 10. 11. 2022. <<https://www.youtube.com/watch?v=8sv1N-M4Kyms&t=447s>>.
- Shagoyan G., *Polevye materialy, Intervyu s Rafaelom Egoyanom*, [Field materials, Interview with Rafael Egoyan]. Dzhrvezh, 2020. (In Russian)
- Shagoyan G., *Kulturnaya vs kollektivnaya travma: memorializaciya sovetskih repressij v postsovetskoj Armenii po modeli pamyati o genocide* [Cultural vs Collective trauma: The memorialization of Soviet repression in post-Soviet Armenia modeled on genocide remembrance] // *Siberian Historical Research*, N 2, 2021, 73–98. (In Russian)
<http://journals.tsu.ru/siberia/&journal_page=archive&id=2116&article_id=47650>
- Shagoyan G., *Armyanskij genocid kak meta-narrativ travmaticheskoy pamyati* [The Armenian Genocide as a Master narrative of traumatic memory] // "Gefter" – internet-zhurnal – Mihail Gefter, 25.04.2016. <<http://gefter.ru/archive/18335>>
- Shagoyan G., "Pervyj" i "vtoroj" v obrazah Gyumri: opyt semioticheskogo analiza gorodskogo teksta ["The first" and "the second" in the images of Gyumri: the essay

- on the semiotic analysis of the urban text] // "Criticism and Semiotics", Volume 16, 2012. (In Russian)
- Shagoyan G., "Leninakan ushel, Gyumri ostalsya" (obrazy goroda do i posle zemletryaseniya) ["Leninakan is gone, Gyumri remains" (images of the city before and after the earthquake)] // Levon Abrahamian, Festschrift 60, 2007. http://levonabrahamian.com/cntnt/publicatio/articles_b/stati.html (In Russian)
- Slezkin Yu., Dom pravitelstva. Saga o russoj revolyucii [Government House. The Saga of the Russian Revolution]. M.: "Corpus", 2019. (In Russian)
- Stepanyan G., Irakani yev anirakani sahmanny. Tan srberi haytnvelu dzevery // Avandakany yev ardiakany hayots' mshakuyt'um [On the Borderline of Reality and irreality: The Forms of Appearance of "Home Saints" to the Household // Traditional and modern in Armenian culture]. Yerevan, NAS RA "Gitutyun", 2014. (In Armenian)
- Suni R.G., Imperiya kak takovaya: imperskaya Rossiya, "nacionalnaya" identichnost i teorii imperii // Gosudarstvo nacij: imperiya i nacionalnoe stroitelstvo v epohu Lenina i Stalina [The Empire Strikes Out: Imperial Russia, "national" identity and Theories of Empire // A state of nation. Empire and Nation-Making in the Age of Lenin and Stalin]. Eds. R.G. Suni, T. Martina, M.: Political Encyclopedia Publishers (ROSSPEN), 2011, 31–87.
- Trever K. V., Oчерki po istorii kultury drevnej Armenii (II v. do n.e. – IV v. n. e.) [Essays on the cultural history of ancient Armenia (II century BC – IV century AD)]. Moscow-Leningrad, publ. Academy of Science of the USSR, 1953, 164–165. (In Russian)
- Yudkina A., "Pamyatnik bez pamyati": pervyj Vechnyj ogon v SSSR // Pamyatnik i prazdnik: etnografiya Dnya Pobedy ["Monument without memory": the first Eternal Flame in the USSR // Monument and holiday: ethnography of Victory Day]. Ed. M. Gabovich, SPb, "Nestor-Istoriya", 2020, 124–151. (In Russian)

*Гаяне Арутюновна Шагоян
Институт археологии и этнографии
Национальной академии наук Республики Армения
Ереван, Армения*

*Gayane H. Shagoyan
Institute of Archaeology and Ethnography
National Academy of Sciences of Armenia
Yerevan, Armenia*

gayashag@yahoo.com